

Н. А. Симбирцева

Екатеринбург

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ*

Статья подготовлена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013. Государственный контракт № 14.740.11.1117.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интерпретация, текст культуры, городское пространство, визуальное, фланер, фланер-интерпретатор.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается практика интерпретации текстов городского пространства. Подчеркивается значимость визуального как основного источника информации. Автором статьи ставится вопрос об образе интерпретатора (субъекте) реальности в современных социокультурных условиях.

N. A. Simbirtseva

Yekaterinburg

INTERPRETATION OF URBAN SPACE AS TEXT: THE PROBLEM OF SUBJECT

KEY WORDS: interpretation, text of culture, urban space, visual, flaneur, flaneur as interpreter.

ABSTRACT: The article discusses the interpretation practice of the urban space as text. The importance of the visual as a primary source of information is also emphasized. The author raises the question of the image of the interpreter (the subject) to the reality of contemporary social and cultural conditions.

В процессе прочтения текста культуры как формы наблюдения за «живой реальностью» происходит ее узнавание, а затем и осмысление ее фрагментов. Отметим, что культурной памятью обладает тот образ культуры (историко-культурное событие, визуальный и визуализированный образ, социально-культурное, политическое изменение), который был запечатлен в сознании переживших его участников и современников. Затем – транслировался непосредственным потомкам в процессе вербальной и невербальной коммуникации через текстовые и/или визуальные образы, устную форму, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался

проверке и коррекции посредством методов исторической критики.

Современное городское пространство настолько насыщено образами и знаками визуального порядка, что следует говорить о выстраивании своеобразной парадигмы их интерпретации. Возникает и естественный вопрос об образе самого интерпретатора: каков он, субъект и/или объект визуальных коммуникаций? И соответственно – в чем специфика современного производителя и/или потребителя визуальных практик?

Фланирование как одна из исторически сложившихся форм интерпретационной деятельности на сегодняшний день имеет свои особенности: образ фланера сопрягается с образом интерпретатора,

внимание которого сосредоточено на интересном и значимом в процессе прогулки. Его глазом воспринимаются улицы, дома, кварталы, лица людей, детали их одежды, манер и поведения; его ухом слышатся шумы и звуки. Голосом и словом фланера-интерпретатора все это начинает звучать и жить своей особой жизнью на страницах публицистических статей, зарисовок, эссе, книг, гравюр, картин.

В. Беньямин, говоря о фланере как новом социальном типе XIX века, отмечал такую особенность городской культуры, как ее визуализация. Опираясь на социологическое исследование городского пространства, сделанное Г. Зиммелем, В. Беньямин характеризует специфическую черту городского образа жизни: «В этом заключается нечто примечательное для социологии большого города. Взаимоотношения людей в больших городах <...> отличаются ярко выраженным перевесом активности зрения над активностью слуха» [1; С. 83]. Визуальные коммуникации в городском пространстве оказываются доминирующим способом социального взаимодействия. Прочтение визуальных текстов, представляемых в виде сформированных виртуальных миров различного масштаба, ориентировано на рецепцию «мира медиа», «мира рекламы», «мира моды», «мира кожи», «мира паркета», «мира меха» и т.п. И, как пишет Н. Е. Покровский, эти миры «становятся для массового потребителя первостепенными и более важными, чем сами товары, факты и люди» [8; С. 12].

Действительно, восприятие сконструированных, виртуальных миров становится возможным благодаря визуальности, которая сегодня по степени воздействия на человека более доходчива, более впечатляюща, более захватывающа, нежели, к примеру, аудиальность. Информация, содержащаяся в визуальном образе, нередко имеет элемент принудительности и навязчивости, так как нельзя перемещаться в пространстве и видеть только то, что хочется. Преимущество фланера-интерпретатора в совре-

менном мире заключается в способности фиксировать в процессе передвижения по улицам города свой взгляд на мире вещей и мире людей, что дает возможность выявлять смысловые особенности внутренних феноменов. Следует отметить, что зримая телесность улавливается фланером на сознательном уровне в том случае, если она соотносится с его переживаниями, мыслями, чувствами. Но иногда выхваченные из реальности образы могут «жить» в подсознании до определенного момента и «вспыхнуть» при возникновении ассоциативного ряда.

Говоря о репрезентации текста культуры в практике фланирования, следует помнить, что это специфически организованное информационное поле, наполненное смыслами и подвергающееся рефлексии на уровне анализа и интерпретации в антропологическом измерении в процессе социальной коммуникации и собственно в актуальных практиках современности. Фланер-интерпретатор имеет дело с открытым для прочтения текстом культуры, требующим осмысления в культуре и соотнесения с конкретным пространственно-временным континуумом, который, как правило, идентифицируется с местом и временем проживания фланера.

А. Желнина определяет фланеров настоящего времени как людей, идущих медленно, ни с того ни с сего останавливающихся, чтобы разглядеть лепнину на фасаде, дизайн таблички на остановке автобуса или туристов в открытом кафе. И это, по ее словам, становится неизменным и необходимым элементом жизни любого мегаполиса, любого настоящего города [4]. Изменились пространственные и временные характеристики. Сущность фланирования подверглась коррективам в соответствии с запросами эпохи: наблюдателей и созерцателей можно встретить в торговых центрах и комплексах. При этом они не выглядят странно, когда рассматривают других посетителей или разглядывают витрины. Интересными для фланеров оказываются и публич-

ные места: бульвары, пешеходные зоны, скверы и парки – места, где публичность стала уже давно условной, а границы личного пространства легко проницаемы.

А. Желнина отмечает анонимизацию городской жизни: «Повседневные наблюдатели, фланеры, туристы в родном городе, они превращают рутину и обыденность в объект наслаждения – эстетического, визуального, а каждого из прохожих – посторонних, чужаков – в объект неподдельного интереса. Зачем и почему? Эти вопросы можно задавать кому угодно, только не фланерам. Фланирование – игра, развлечение, искусство, неприметное творчество. В то же время, фланирование – странный, тихий, но действенный протест против всеобщей суеты и погони за результатом, которым подчинена сегодняшняя городская культура. Остановиться, не спешить, смотреть на то, что, как будто, не стоит внимания, серьезно изучать несерьезное могут позволить себе все, но почему-то удается это не каждому» [4].

Современный житель мегаполиса осуществляет практику фланирования в большинстве случаев в ситуации ожидания кого или чего-либо, если вдруг возникает свободное время, требующее заполнения. И в этом случае глаз «цепляется» за происходящие вокруг «мелочи»: одежду, в которую одеты окружающие, их жесты и позы, а иногда интерес вызывает походка пешехода, маневры водителей, внешний вид и состояние автотранспорта, вывески и витрины магазинов. Наблюдатель растворяется в городской суете...

Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская в ходе проведения лингвокультурологического анализа семиотического наполнения категории «город» в разных языковых картинах мира дифференцируют и классический образ фланера как человека, который осваивает городского пространство в зависимости от места проведения времени и рода деятельности: «Современное представление о фланере и о городских прогулочных локусах существенно изменилось: фланера-наблюдателя потеснили

фланер-турист, фланер-потребитель, фланер-тусовщик (в каждом городе есть свой «брод»), фланер-«шопингер» (человек, который, гуляя по городу, попутно делает какие-то покупки, не нацеливаясь изначально на шопинг), фланер, совершающий прогулку для здоровья <...> и фланер по виртуальному пространству. <...> Эти типы фланеров связаны с особым городским пространством: парки, сады, бульвары – для любителей моциона; людные улицы, проспекты, бульвары – для наблюдателей и созерцателей городской жизни; торговые улицы, ряды, пассажи – для любителей шопинга; площади, клубы, кафе – для «тусовщиков»; городские достопримечательности – для туристов, и, наконец, Интернет – для виртуальных фланеров» [2; С. 320].

Современные социологические исследования, в которых представлен феномен визуального, отражают вопросы, связанные с познанием и пониманием социального мира в единстве социальной теории и навыков практической деятельности. Например, принцип социологической генерализации как выход за пределы наивной и обыденной созерцательности и перехода к аналитике социальной реальности основной для понятия «Sociological imagination», введенного Ч. Р. Миллсом [7]. Визуальный и визуализированный образ практически всегда имеет множество интерпретаций. В силу субъективного восприятия (от особенностей зрения до мировоззренческих основ, творческих способностей и интеллектуального развития личности) фиксация зрительных феноменов имеет сугубо индивидуальный характер. Сведение частных к общему знаменателю в процессе коллективного обсуждения и анализа позволяет говорить о складывающемся социально-культурном феномене – визуализации.

Принцип фланирования приобретает не только существенную значимость в современных практиках, но и профессиональную ориентированность в сфере образования: «Социология вне социологического воображения невозможна, это основа социологии как профессии. Визу-

альная дидактика рассчитана на развитие социологического мышления студентов и ставит своей целью научить максимально полно использовать визуальные средства для анализа окружающего мира. Будущие социологи с помощью фотофиксации внешних признаков тех или иных явлений учатся тому, как распознавать глубинные тенденции жизнедеятельности общества» [8; С. 14]. В приведенном примере визуальный текст – фотография – выступает в качестве основного источника информации. Но «подглядеть», уловить момент и зафиксировать его становится возможным только благодаря наблюдательности и в то же время сноровке фотографа: остановленный миг, запечатленный в образе, становится уже фактом истории. «Фотография, – по словам М. Лэнгфорда, – это доказательство подлинности, своего рода копия происходящего, камера – это записная книжка» [6; С. 6]. Фрагмент реальности, выхваченный фотографом, приобретает жесткие «рамки» фотографии. И это есть проявление власти человека над временем.

Фотограф как интерпретатор реальности уже своим действием создает текст, требующий прочтения на различных уровнях: понимания, комментария, надписи, т.е. создания традиционно понимаемого текста. Современная фотография – это не просто фиксация изображения. В ней всегда оказываются дополнительные смыслы, заложенные как автором, так и самой реальностью. Фотохудожник А. Китаев, говоря о некоей отстраненности от мира и сосредоточенности на внутренних мыслях и образах, отмечает, что «человек, занимающийся фотографией как творчеством, гораздо больше времени проводит в наблюдениях и размышлениях, чем в процессе съемки» [5; С. 173].

Иногда фотограф, «подглядывающий» за городской реальностью с помощью фотокамеры, воссоздает такой визуальный образ повседневности городской культуры, который не совпадает с ее «официальным» образом, зафиксирован-

ным в виде макета на столе у архитектора: «в прозрачный текст спланированного города вторгается город кочевой, город метафорический» [3; С. 82].

Субъективные впечатления, лежащие в основе исторических экскурсов и семиотического анализа городского пространства, в исследованиях французского историка и социального философа М. де Серто приобретают методологическую значимость. Прогулка по городу, всматривание в его жизнь, наблюдения за городскими практиками – это своеобразная «история шагов», которые представляют собой бесконечность, не разложимую на последовательности. Шаги, по словам М. де Серто, «не поддаются статистике – у каждого свой голос, своя манера осязательного движения. Их оглушительная масса – это коллекция неисчислимых индивидуальностей. Благодаря шагам точки соприкасаются и пространства обретают плоть. В сущности, движения пешеходов образуют одну из тех «реальных систем», из которых складывается город. Шаги не локализованы в пространстве, но, скорее, сами продуцируют его. <...> Конечно, движения ног можно проследить, фиксируя на картах их следы (тропы, там – проторенные, здесь – еле заметные) и траектории (выбирается один маршрут и отвергается другой). Но эти видимые линии лишь отсылают (как слова), к отсутствию сказанного/пройденного. Каталоги маршрутов упускают то, что происходит на деле: сам акт хождения. Бродить, гулять, глазеть по сторонам – движение прохожих преобразуется в точки и линии на карте, и нашим глазам открываются лишь останки, размещенные в ахронии (nowhen) проекционной поверхности. Видимое (карта) скрывает породившее его действие; практики подменяются следами [3; С. 84-85].

Ассоциацией возникают поэтические строчки «Исторического романа» Б. Окуджавы: «Каждый пишет, как он слышит. // Каждый слышит, как он дышит. // Как он дышит, так и пишет»... «Лоскутное одеяло» реальности в его за-

вершенности и целостности – результат сочетания множества частных практик, проживаемых и воспринимаемых лично-стно. Фиксация объектов действительности (глазами, фотокамерами) всегда условна, если речь не идет о профессиональных фотографах, стремящихся запечатлеть образ достопримечательности в его историко-культурной, художественной значимости. Часто фотолюбители маркируют свое, индивидуально значимое видение пространства и образа города как текста: они снимают объекты, которые им кажутся наиболее значимыми, нежели официально признанные: скамейки, вывески, необычные указатели, клумбы. Включение себя и/или знакомых, друзей в создаваемую картинку реальности – это своего рода «приватизация» пространства, за счет которой оживает безличное пространство городской инфраструктуры.

Интерпретация текстов городского пространства в аспекте визуальной городской антропологии – интересная и перспективная практика научных исследований. В культурологии этот опыт представлен на уровне анализа историко- и социокультурных образов городского пространства: архитектуры, литературы, искусства, кино- и медиапродукции. Существенным является не только способ репрезентации жизненных практик, реалий и культурных форм современного города, но и вопрос о субъекте восприятия, а соответственно и о человеке, чьим глазом «прочитывается» текст городского пространства. Именно интерпретатор играет важную роль при конструировании образа города как в реальном, так и в ментальном и виртуальном измерениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма / Пер. с нем. С. Ромашко // Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе / Сост. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004.
2. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Прогулки по европейскому городу: аллея, boulevard, promenade, alberato, passeggiata // Критика и семиотика. Вып. 14. 2010.
3. де Серто М. По городу пешком/ Пер. А.А. Космарского// *Communitas*. № 2. 2005.
4. Желнина А. Фланер // Социологические прогулки. Город ногами социолога. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=12/> (дата обращения 02.08.2012)
5. Китаев, А. Субъектив. Фотограф о фотографии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
6. Лэнгфорд М. Библия фотографии. М.: Эксмо, 2007.
7. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение/ Пер. с англ. О.А. Оберемко; Под общ. ред. Г. С. Батыгина. М.: NOTA BENE, 2001.
8. Покровский Н. Е. Умение видеть и искусство понимать // Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007.